

СТИХОТВОРЕНІЯ НИКОЛАЯ СОЛОМОНОВИЧА МАРТЫНОВА

Герзель-ауль.

Юньскій день... Печеть равнину
Палящій зной. Ни вѣтерка
Не слышно въ воздухѣ. Въ долину,
Спускаясь съ горъ, идутъ войска.
За ними тянется дорогой
Отрядный, подвижной обозъ;
Испуганъ утренней тревогой,
Табунъ сорвался дикихъ козь;
Рѣдѣютъ выстрѣлы пѣхоты,
Замѣтно сталъ слабѣть огонь,
Вотъ на курганъ бѣгутъ двѣ роты,
Команда слышится „на конь.“ —
А солнце жжетъ, какъ будто пламень,
Казаки тронулись ходой,
Стучать орудія объ камень;
Спускаясь страшной крутизной
Скрипятъ арбы и слышны крики
Въ лѣсу погонщиковъ скота;
Всѣ звуки какъ-то странны, дики,
Вездѣ движенье, суета.
Картина полная разгула,
Бродящей жизни и войны!
Идутъ къ стѣнамъ Герзель-аула
Войска, на отдыхъ изъ Чечни.
Подѣхалъ генералъ отрядный,
За нимъ вся свита и конвой;
Народъ не важный, не варядный,
А нашъ кавказскій, боевой:

Одинъ въ папахѣ и черкескѣ,
 Другой въ военномъ сюртукѣ;
 Вотъ переводчикъ въ красной фескѣ,
 За нимъ мулла въ архалукѣ...
 Черезъ плечо надѣта шашка,
 Всѣ подоясаны ремнемъ,
 Башлыкъ и бурка за сѣдломъ;
 Вотъ у того въ крови рубашка,
 Другой съ подвязаннымъ лицомъ;
 На всѣхъ есть признаки живые,
 Что были въ дѣлѣ и въ огнѣ,
 Черны отъ пороха иные,
 Съ разсвѣта каждый на конѣ.
 Совсѣмъ замолкла перестрѣлка,
 Изъ лѣсу вышелъ аръбергартъ;
 Тотчасъ раздалася свирѣлка,
 И въ синей курткѣ новый бардъ
 Запѣлъ про подвиги Куринцевъ,
 Про удадь славныхъ Гребенцовъ,
 Какъ мы живьемъ брали Тавлинцевъ,
 Какъ Граббе любить молодцовъ...
 За нимъ всѣ пѣсенники хоромъ,
 Подъ звуки бубна залились,—
 А мы покажѣсть разговоромъ
 Между собою занялись.
 „Кто нынче раненъ? ты не слышалъ?“
 Убитыхъ трое, говорятъ.“—
 „Какой со мною случай вышелъ...
 Представь! Я ѣхалъ въ аръбергартъ;
 Тамъ было жарко, будто въ банѣ,
 Ходили много разъ въ штыки...
 Все насѣдаютъ. На курганѣ
 Вотъ ставятъ пушки казаки.
 Я былъ верхомъ, куда мнѣ дѣться?
 А вижу плохо, угостятъ,
 Но не успѣлъ я оглядѣться,
 Какъ тамъ кричатъ: „ложись, палятъ!“
 Раздался выстрѣлъ и картечью
 Меня осыпало всего;
 Я отвѣчалъ имъ крупной рѣчью,
 А цѣль остался, ничего!“
 Идетъ отрядъ усталымъ шагомъ;
 Ужь приближаются къ рѣкѣ,
 Стянули цѣпь, вотъ за оврагомъ

Горить ауль невдалекъ...
 То наша конница гуляетъ,
 Въ чужихъ владѣньяхъ судъ творить,
 Дѣтей погрѣться приглашаетъ,
 Хозяйкамъ кашину варить.
 Веселый смѣхъ съ приправой шутки,
 Въ рядахъ, какъ искры, пронеслись,
 И снова слышны прибаутки,
 И снова пѣсни раздались;
 Горнисть комаринскую просить,
 Согласны всѣ ее пропѣть,
 Фельдфебель ротному доносить.
 Что тутъ же будетъ и „камедь.“
 Въ кружокъ собрались офицеры,
 Сѣдой полковникъ къ нимъ примкнулъ,
 Вблизи стоятъ карабинеры.
 Вотъ въ синей курткѣ затаиуль...
 Но только началъ онъ—изъ группы
 Выходитъ жиденькій солдатъ:
 То балетмейстеръ здѣшной труппы,
 Актеръ и вмѣстѣ акробатъ.
 Онъ сталъ выкидывать колѣнца,
 Въ присядку до земли хваталъ,
 То передразнивалъ чеченца,
 То генерала представлялъ.
 И всѣ смѣялись до упаду.
 Всѣмъ было весело смотрѣть
 На этотъ вздоръ, арлекинаду,
 На эту пошлую „камедь.“
 А между тѣмъ другая сцена
 Происходила въ двухъ шагахъ,
 Тутъ декораций перемѣна
 Намъ не нужна—все на глазахъ.
 Несутъ солдата на носилкахъ,
 Онъ раненъ въ голову и въ грудь,
 При немъ рекрутикъ на послкахъ,
 Кого позвать, воды черпнуть.
 Онъ крѣпко къ дяденькѣ привязанъ,
 Его онъ любитъ, какъ отца;
 По службѣ долгъ ему указанъ,
 Любить никто вѣдь не обязанъ,
 А любятъ добрыя сердца.
 Больной въ жару и трудно дышитъ,
 Надъ нимъ рекрутикъ слезы льетъ.

Въ надеждѣ—Богъ его услышитъ
Молитву теплую кладетъ.
Начался бредъ, предвѣстникъ смерти;
Случайно фельдшеръ подошелъ,
Взглянулъ въ лицо: „да что за черти!
Кажись совсѣмъ ужъ отошелъ...
Скорѣй священника зовите,
Пора его готовить въ путь,
А вы покамѣсть отдохните,“—
Сказалъ и легъ самъ отдохнуть.
Пришелъ священникъ. Торопился
Сперва ковчегъ съ дарами снять,
Потомъ къ страдальцу обратился
И сталъ вполголоса шептать.
Глухая исповѣдь, причастье,
Потомъ отходную прочли:
И вотъ оно земное счастье...
Осталось много-ль? Гореть земли!
Я отвернулъся, было больно
На эту драму мнѣ смотрѣть,
И я спросилъ себя невольно:
Ужель и мнѣ такъ умереть?..
Но вотъ рѣка! Всѣ оживились,
Пѣхота двинулась быстрѣй,
И даже кони прибодрились,
Храпятъ и цѣна у ноздрей:
Они почувяли прохладу,
Пріятна близость имъ воды;
Даютъ привалъ всему отряду,
И легкій роздыхъ за труды.
Ужъ авангардъ остановился,
Казачи слѣзли съ лошадей,
Бивакъ походный очертился,
Мѣста разбиты для частей;
На нихъ вступають батальоны
И въ козлы ружья въ тотъ же мигъ,
Ровняютъ въ линію колонны,
Штабные скачутъ—шумъ и крикъ;
Порядку трудно водвориться,
Войска сверхъ силъ утомлены,
Спѣшатъ солдатики напиться,
Забывъ про то, что голодны.
Отрядный штабъ расположился
У спуска главнаго къ рѣкѣ,

Къ нему въ сосѣдство пріютился
Духанщикъ въ бѣломъ сюртукѣ:
То армянинъ нахичеванскій,
Полухитрецъ, пол-идіотъ,
Съ своей любезностью армянской
Онъ васъ какъ липку обдеретъ.
На берегу, близъ водопоя,
Двѣ пушки сняты съ передковъ,
Вокругъ прислуга сиди, стоя,
Кому какъ надо, безъ чиновъ:
Одинъ, разлегшись подъ лафетомъ,
Въ тѣни отъ солнца крѣпко спитъ,
Другой, занявшись туалетомъ,
Подметки старья чинитъ;
Вотъ офицеръ прилежъ на буркѣ
Съ ученой книгою въ рукахъ,
А самъ мечтаетъ о мазуркѣ,
О Пятигорскѣ и балахъ,
Ему все грезится блондинка,
Въ нее онъ по уши влюбленъ,
Вотъ онъ героемъ поединка,
Гвардеецъ тотчасъ удаленъ;
Мечты смѣняются мечтами,
Воображенью данъ просторъ,
И путь, усѣянный цвѣтами,
Онъ проскакалъ во весь опоръ.
Вотъ онъ женатъ, отецъ семейства
И батарейный командиръ,
А дальше что?.. Изъ казначейства
Треть пенсіона и мундиръ.
Туманный бредъ своихъ стремленій
Исходной точкой онъ замкнулъ;
Въ надеждѣ новыхъ впечатлѣній
Счастливый прапорщикъ уснулъ.
Внутри отряда подъ чинаромъ,
Раскинувъ на землю ковры,
Собралось общество не даромъ,
Идетъ тутъ пиръ, какъ всѣ пиры,
Съ коньякомъ, ромомъ, кахетинскимъ,
Съ татарскимъ жирнымъ шашлыккомъ,
Съ пилавомъ, блюдомъ исполинскимъ,
Кавказской кухни торжествомъ;
Раздолье полное вкушаетъ
Гвардейцевъ дружная семья,

И первой кубокъ осушаетъ
За дымъ отъ перваго огня.
Крещенъе порохомъ свершилось,
Всѣ были въ дѣлѣ боевомъ;
И такъ имъ дѣло полюбилось,
Что разговоры лишь о немъ;
Тому въ штыки ходить досталось
Съ четвертой ротой на заваль,
Гдѣ въ рукопашномъ разыгралось.
Какъ имъ удачно называлось,
Второго дѣйствія финаль.
Вотъ отъ него мы что узнали:
Они въ упоръ по насъ стрѣляли,
Убить Куринскій офицеръ,
Людей мы много потеряли.
Легъ цѣлый взводъ карабинеръ,
Посиѣлъ полковникъ съ батальономъ
И вынесъ роту на плечахъ,
Чеченцы выбиты съ урономъ.
Двѣнадцать тѣлъ у насъ въ рукахъ...
Нельзя назвать тщеславьемъ дѣтскимъ
Подобный искренній рассказъ:
Похвастать дѣломъ молодецкимъ
Приятно каждому изъ насъ.
Другому выпала на долю
Атака съ сотней казаковъ,
Въ тотъ часъ натѣшились мы волю,
Я описать ее готовъ:
Линейцы дружно мчатся къ полю,
Гдѣ видно множество значковъ,
Джигиты смѣло разъѣзжаютъ,
Гарцуютъ бойко впереди,
Напрасно наши въ нихъ стрѣляютъ...
Они лишь бранью отвѣчаютъ,
У нихъ кольчуга на груди;
Смекнулъ урядникъ, догадался,
Взяла досада казака,
Но пособить онъ горю взялся
И съ видомъ дѣла знатока,
Поверхъ заряда, въ стволъ винтовки
Пучекъ иглокъ посадилъ,
И вновь готовый къ джигитовкѣ,
Во весь опоръ коня пустилъ.
Избравъ противника, онъ круто

На заднихъ бабкахъ повернулъ....
 Прошла еще одна минута,
 Ружейный стволъ его сверкнулъ,
 Раздался выстрѣлъ безъ раската,
 Какъ будто щельнулъ кто орѣхъ,
 Предъ нами пыль столбомъ поднята,
 Мы всѣ въ надеждѣ на успѣхъ
 Глядимъ въ то мѣсто... Прояснилось:
 Въ испугѣ конь отъ насъ бѣжить,
 А тѣло всадника свалилось,
 Въ травѣ густой оно лежитъ...
 Со всѣхъ сторонъ чеченцы скачутъ.
 Спѣшать убитаго поднять,
 А наши рвутся, чуть не плачутъ,
 Имъ тѣло хочется отнять.
 Мѣста опасны, есть засада,
 Кругомъ все лѣсъ, вблизи аулъ,
 „А все же въ шашки, братцы, надо!“...
 Тутъ кто-то кстати намекнулъ,
 „Ну съ Богомъ!“ крикнулъ эсауль,
 Ударилъ плетью и пустился:
 За нимъ вся сотня на хвостѣ,
 Въ толпу чеченцевъ онъ врубился,
 Кричать пронзительно вездѣ,
 Несутся конные изъ лѣсу
 Стремглавъ на выручку своимъ;
 „Числомъ у нихъ быть перевѣсу,
 Но за себя мы постоимъ.“
 Въ досадѣ злобно говоримъ,
 Какъ вдругъ откуда не возмися
 Казачьи пушки двѣ летять;
 На всемъ скаку онѣ снялися,
 Во флангъ чеченцевъ взять хотять.
 Картечью брызнуло изъ дула,
 Смѣшалось все... толпа бѣжить,
 И позади плетня аула
 Укрыться въ лѣсъ она спѣшить.
 Остался панцырникъ за нами,
 Отбить намъ тѣло удалось,
 Хвала тебѣ зарядъ съ иглами,
 Ты пронизалъ его насквозь!—
 И много вызвано разговоромъ
 Веселыхъ шутокъ, болтовни,
 Смѣялись всѣ, шумѣли разомъ,

Какъ дѣти тѣшились они.
Не мудрено: для нихъ все ново,
И край, и люди, и война,
Гдѣ все такъ дико, такъ сурово,
Гдѣ жизнь случайностей полна.
Птенцы все юные слетѣлись
Изъ дальнихъ странъ родной земли,
Еще путемъ не обглядѣлись,
Сквозь призму видятъ все они;
Для нихъ Кавказъ есть рай, поэма,
Міръ фантастическихъ чудесъ,
Сады роскошныя Эдема,
Волшебной сказки чудный лѣсъ,
Гдѣ каждымъ деревомъ закрыты
Могучій воинъ—богатырь,
Гдѣ лавры миртомъ перевиты
А рядомъ бездны и пустырь;
Шлѣняетъ ихъ воображенье
Полувосточный колоритъ,
Иныхъ приводитъ въ восхищенье,
Другимъ о страсти говорить...

Ч. 2.

Бьетъ барабанъ, сигналъ къ подъему,
Треноги сняты съ лошадей,
Ведутъ поить ихъ къ водоему,
А тамъ ужъ множество людей
Столпилось въ кучу: наполняютъ
Манерки, ведра и бадья,
Войска съ бивака выступаютъ,
А путь имъ дальній впереди.
Въ походѣ быстро все творится,
Едва пробили „по возамъ“,
Какъ авангардъ ужъ шевелится
И цѣпь разсыпалась къ кустамъ.
Еще минута... Все въ движеніи,
Отрядъ весь вытянуть змѣей,
И на огромномъ протяженіи
Онъ кажетъ лентою стальной.
По всѣмъ извилинамъ дороги
Въ порядкѣ слѣдуетъ обозъ,
На случай дѣла или тревоги,
Резервъ готовый у колесъ.

Прикрыты фланги длинной цѣпью
Попарно идущихъ стрѣлковъ,
Отъ нихъ на выстрѣлъ гладкой стѣнью
Патрули ѣдутъ казаковъ,
Милиціонеры въ авангардѣ,
За ними штабъ и генералъ;
Велѣлъ отмѣтить онъ по картѣ,
Гдѣ былъ послѣдній нашъ привалъ.
Толкуютъ что то о дорогѣ,
Куда привольнѣе итти,
Чтобъ упражняться намъ въ поджогѣ
Всего, что встрѣтимъ на пути:
Таковъ обычай на Кавказѣ,
Онъ съ незапамятныхъ временъ
Въ чужой землѣ, при каждомъ разѣ,
Войсками строго соблюденъ:
Стога ль забыты по сосѣдству,
Стоить ли брошенный ауль,
Все къ намъ доходить по наслѣдству,
Солдатики всюду заглянулъ;
А чтобъ другимъ не доставалось,
Чтобъ не ушло изъ нашихъ рукъ,
Наслѣдство тутъ же зажигалось,
Копаться долго недосугъ.
На всемъ пути, гдѣ мы проходимъ
Пылаютъ сакли бѣглецовъ;
Застанемъ скотъ—его уводимъ,
Пожива есть для казаковъ,
Поля засѣянные топчемъ,
Уничтожаемъ все у нихъ,
И объ одномъ лишь только ропщемъ:
Не доберемъ до самихъ;
Они сидятъ въ своихъ трупобахъ,
Къ нимъ входъ лѣсами прегражденъ,
Зимой гнѣздятся на сугробахъ,
А лѣтомъ горы ихъ притонъ.
Хотя не разъ и намъ случалось
Застать средь ночи ихъ врасплохъ,
Но то лишь коннымъ удавалось
Въ набѣгахъ съ сотней казаковъ.
Налетомъ быстрымъ, соколинымъ,
Являясь разомъ въ трехъ мѣстахъ,
Мы ихъ травили по долинамъ
И застигали на горахъ,

На нихъ ходили мы облавой,
Сперва оцѣнимъ весь ауль,
А тамъ, межъ дѣломъ и забавой,
Изрубимъ ночью карауль.
Когда жъ проснутся сибариты,
Подпустимъ красныхъ пѣтуховъ;
Трещать столѣтнія ракиты
И дымъ до самыхъ облаковъ;
На смерть тогда идутъ сражаться,
Пощадь нѣтъ... Изнемогли,
Приходятъ женщины сдаваться,
Мужчины, смотришь всѣ легли.
Зато и намъ не все сходило:
Случалось тоже чрезъ мирныхъ
Къ нимъ вѣсть внезапно доходила,
Что мы въ набѣгъ идемъ на нихъ;
Тотчасъ окрестность всю поднимуть,
Спѣшать имущество спасти
Да такъ гостей незваныхъ примуть,
Что дай Богъ ноги унести...
Среди бѣды, среди погрома,
Начальникъ нашъ, въ душѣ храбрець,
Не унывалъ: въ гостяхъ иль дома,
Всегда, вездѣ былъ молодець.
Забьютъ ли въ колоколь тревогу,
Онъ первый мчится на конѣ!
„Гребня за мной! въ отрѣзъ дорогу!“
И Гребенцы уже въ огнѣ.
Займутъ поспѣшно переправу,
Сбатуютъ въ сторону коней,
И вотъ съ присошекъ, изъ за пней
Летаютъ выстрѣлы на славу,
И на казацкую забаву
Тѣла достались узденей.
Влачатъ съ триумфомъ ихъ въ станицу,
Къ хвостамъ привязаны они,
Пальба, встревоживъ всю границу,
Вдали похожа на зарницу...
Но, то потѣшные огни,
То джигитовка послѣ боя,
Стрѣльба на воздухъ въ честь живыхъ,
Убитыхъ вмѣсто упокоя,
Во славу подвиговъ лихихъ.
Отрядъ свернулъ съ прямой дороги,

Пошелъ онъ вѣво къ цѣпи горъ,
 Покрѣты лѣсомъ ихъ отроги,
 Бока покатицы, пологи,
 Кой-гдѣ видѣется бугоръ,
 На немъ рисуясь живописно,
 Стоитъ заброшенный аулъ:
 То Кочвалыковцевъ отчизна,
 Шамиль ихъ въ горы притянулъ;
 Они покинули жилища,
 Гдѣ дѣды, прадѣды лежатъ,
 И ихъ родныя пепелища
 Объ ихъ измѣнѣ говорятъ.
 Идетъ безъ выстрѣла колонна,
 Аулъ завидѣль въ сторонѣ,
 Вотъ сакля крайняя зажжена,
 А чрезъ минуту все во огнѣ.
 Случайно стануть-ли бивакомъ
 Средь зеленѣющихъ садовъ
 Вокругъ поля покрыты злакомъ,
 И вѣтви гнутся отъ плодовъ.
 Скосили поле для кочевья,
 На немъ раскинуты шатры,
 А ихъ фруктовыя деревья
 Солдаты рубяты на костры.
 Нигдѣ не встрѣтимъ мы отпора
 И не найдется никого,
 Чтобъ быть свидѣтелемъ позора,
 Чтобъ отомстить намъ за него.
 Такъ мы въ годину возмущенья
 Прошли всей плоскою Чечней,
 Слѣды огня и разрушенья,
 Оставивъ всюду за собой.

Червленая станица, 1840 г.

Чеченская пѣсня.

За Аргуномъ рѣкой
 Надъ кремнистой скалой,
 Какъ гнѣздо выдается аулъ!..
 Онъ сто лѣтъ на горѣ,
 И въ столѣтней корѣ
 Лѣсъ дремучій его обогнулъ.
 Не видалъ онъ враговъ
 Средь родимыхъ лѣсовъ,

Незнакомъ ему пушечный гуль...
 И объ Русскихъ молва
 Доносилась едва
 Въ тотъ счастливый, нагорный ауль!
 У окольныхъ воротъ
 Въ бѣдной саклѣ живетъ
 Старецъ дряхлый, Кучукъ-Берзули,
 Но у старца есть дочь.
 Съ нимъ она день и ночь,
 Все богатство его на земли.
     Я клянуся Муллою
     И кровавой каллою,
     И отрадой небесныхъ лучей:
     Въ цѣломъ мірѣ Творца
     Нѣтъ прекраснѣй лица,
     Не видалъ я подобныхъ очей!..
 Ихъ чернѣе едва-ль
 Вороненая сталь
 Дагестанскихъ тяжелыхъ клинковъ,
 И въ тревожные дни
 Сыплютъ искры они,
 Какъ объ камень удары подковъ.
     И желаній тоска
     Грудь вздымаетъ слегка,
     Будто волны несутъ лебедей;
     И на свѣжихъ устахъ,
     Какъ роса на цвѣткахъ,
     Сладострастія влага у ней.
 Отдашь я бы на срокъ
 И завѣтный Волчекъ.
 И винтовку Хаджи-Мустафы;
 Взнесъ бы вскорѣ роднымъ
 За нее я калымъ.
 Возвратясь въ свой ауль Шумафы.
     Но тайкомъ отъ отца
     Уздена молодца
     Дѣва любить ужъ съ годъ, не забудь!
     Оттого-то въ дни смуть
     Очи искры даютъ
     И вздымается бѣлая грудь...
 Я убью Узденя!
 Не дожить ему дня!
 Дѣва, плачь ты заранѣ о немъ!..
 Какъ безумцу любовь,

Мнѣ нужна его кровь,
Съ нимъ на свѣтѣ намъ тѣсно вдвоемъ!..

Червленая станица, 1840 г.

Изъ Андре Шенъе

(переводъ)

. . . . . Свобода,
Какъ Геркулесъ, родилася непобѣдима,
Воздвигнуть ей алтарь подъ облаками дыма,
И взглядъ ея очей закономъ сталъ народа!..
Отъ дуновенія упали стѣны башенъ
И первый крикъ ея былъ мужественъ и страшень.
Посланники боговъ, коварныя гѣны,
Хотѣли растерзать младенческія члены;
Съ громадою племень вступили съ ней въ борьбу,
Чтобъ разомъ сокрушить блестящую судьбу;
Но смертоносный мечъ . . . . .
Руками мощными разгнѣванный ребенокъ
Омылъ въ крови враговъ родную колыбель,
И кровь текла струей съ воинственныхъ пеленокъ

Червленая станица, 1840 г.

Отрывокъ изъ неоконченной поэмы

„Ужасный сонъ“

(Командира Кавалергардскаго Ея Величества полка, генералъ-адыютанта Родіона
Егоровича Гринвальда)

Задумчивъ, мраченъ и взбѣшенъ
Съ ученья ѣдетъ Родіонъ....
Подъ нимъ Булатъ, товарищъ вѣрный,
И даже больше—другъ примѣрный,
Покрытый пѣной, весь въ пыли,
Уже съ трудомъ переступая
И вѣрно друга проклиная,
Лѣниво двигался вдали...
Секстантомъ вытянувъ колѣна,
По холкѣ руку опустивъ,
И, подбочась другой надменно,
Онъ ѣхалъ золь и горделивъ.
Но еслибъ кто постигъ страданья,
Души завѣтныя терзанья,

Его сердечный анонимъ,
 Тотъ вѣрно бѣ сжалился надъ нимъ!..
 Хотите въ этомъ убѣдиться?
 Попону снявъ съ его души,
 Посмотримъ, что подъ ней таится?
 Ужели образъ Соловши, *)
 Иль стати англійской кобылы?
 Онѣ, конечно, обѣ милы,
 Но не онѣ—цари души!..
 Его ничто на этотъ мигъ
 Не веселитъ, не занимаетъ:
 Онъ чашу бѣдствія постигъ,
 И горе залпомъ выпиваетъ!..
 Уныль, печалень, огорченъ,
 Разстроень, пасмурень, встревоженъ,
 Надорванъ, загнанъ, запалень,
 Убитъ, зарѣзанъ, уничтоженъ!
 „Что жизнь на свѣтѣ? (думалъ онъ);
 Ъзда на кордѣ безъ стремянъ,
 На необузданной фортунѣ...
 Отъ утра бьется до утра,
 Сегодня то же, что всегда,
 Вчера, что было наканунѣ!..
 Тягаться трудно намъ съ судьбою:
 На ней какъ крѣпко не сиди,
 Два, три козла, того гляди,
 Что полетишь внизъ головою!..
 А страсти, грезы, заблужденья?..
 Аллюръ безъ темпа, безъ равненья!..
 Ничто такъ въ свѣтѣ не похоже—
 Ъзда и жизнь—одно и то же.
 Превратно то, какъ и другое;
 Всегда надеждами мы льстимы,
 Волненье вѣчное намъ съ ними
 И суета, какъ въ конномъ строѣ!..
 Не помню, въ Греціи, иль въ Римѣ
 Сказалъ мудрецъ: „ученье свѣтъ,
 А неученье тьма!“ Пустое!
 Всю жизнь провелъ я въ конномъ строѣ,
 Учу, учился сколько лѣтъ,
 А все какъ будто бы впервые
 И отъ ученій—толку нѣтъ!..

---

*) Н. А. Петрово-Соловово, рожденная княжна Гагарина.

И вотъ плоды моихъ трудовъ,
 Ночей безъ сна и дней, какъ ночи!..
 Досадно, выразить нѣтъ словъ,
 Смѣшно!.. убійственно, нѣтъ мочи!..
 Какъ рокъ однако жъ самовластивъ!..
 И послѣ этого учи,
 Трудись, старайся, хлопочи...
 О, Боже мой, какъ я несчастливъ!
 Кобыла....., лягаетъ меринъ,
 Не держитъ рыси Фукидидъ,
 У Маркианта темпъ не вѣренъ,
 А Бомбардирка торопить!..
~~Кранухъ~~, Кутейникъ, Засѣдатель!..
 Жилблазъ, Хапуга, Артишокъ!..
 И эти всѣ... о мой Создатель!
 Намъ будутъ, кажется не въ прокъ.
 А отъ чего? Да что такое?...
 Небось ученье горячо?
 Ученье тоже вздоръ, пустое;
 Самъ видѣлъ, знаю, вотъ еще!..
 Когда бъ поменьше развлеченья,
 Да больше дѣла и трудовъ,
 Такъ полкъ давно бы былъ готовъ!
 А то... имъ, знать, не до ученья.
 Тутъ нужны творчество, талантъ,
 Вниманье, тонкости въ отдѣлкѣ...
 А нынче? даже и самъ Брандтъ,*)
 Былъ что то не въ своей тарелкѣ!
 Растерянь фронтъ, сломался ящикъ,
 Нѣтъ ни равненья, ни рядовъ...
 Орда задорныхъ калмыковъ!
 И вотъ для гвардіи образчикъ!
 Они меня какъ разъ погубятъ;
 Ну просто такъ, какъ пить дадутъ!
 Рысь... слишкомъ малую найдутъ,
 А за большую... приголубятъ!..
 Галопъ отрывистъ и не такъ,
 Всѣ офицеры кое-какъ!
 О люди, люди!.. о мученье!
 . . . . . всѣ безъ исключенья:
 Ни чувствъ, ни вѣры, ни посадки,
 Въ ногахъ позоръ, колѣна шатки,

*) Извѣстный берейторъ Кавалергардскаго полка въ 30-хъ годахъ.

И просто пьяны до ученья!
 Ихъ нужно бить, да какъ вѣдь бить!
 Келейно, дома, безъ огласки,
 Но чтобъ боялися острастки!
 А такъ добру отъ нихъ не быть!
 Лѣнны бесты, знаютъ сами,
 Охоты ровно никакой!
 Иной съ счастливыми ногами.
 Съ умомъ, съ чувствительной рукой,
 . . . . .
 И были бь бесты хороши,
 Да нѣтъ старанья, нѣтъ души!
 Другой хоть бился цѣлый вѣкъ,
 А все печальный человѣкъ!
 Добьюсь ли я когда нибудь,
 Чтобъ хоть бы на смѣхъ, послѣ строя
 Мнѣ привелось глаза сомкнуть?
 Любилъ я думать: вотъ съ весною
 Придетъ къ намъ темпъ и чистота,
 Равненье, правильность!.. Мечта...
 Я посѣдѣлъ отъ каски весь,
 Покрыть морщинами мой лобъ,
 Волосъ... ужъ вовсе нѣту здѣсь!
 А толку что?! . . . . . " —
 Но вотъ казармы передъ нимъ...
 Онъ размышленья прерываетъ
 И полонъ бѣдствіемъ своимъ,
 Глубокой горестью томимъ,
 Въ ворота медленно въѣзжаетъ.
 Его завидя часовой
 Въ одушевленной позитурѣ,
 Звонить отчетливо рукой
 И прочь бѣжить къ своей канурѣ.
 Въ ружье выходитъ карауль...
 Волненье, стукъ, прикладовъ гулъ,
 Тутъ ординарцы, тамъ значки,
 Вокругъ снимаются фуражки,
 Въ движеньи пугвицы, крючки,
 Умы, рейтузы и подтяжки—
 Эффектъ большой... Но онъ не въ духѣ:
 Онъ не внимааетъ, не глядитъ
 И только темпъ въ усталомъ ухѣ
 Однообразно все стучить...
 Узнавъ родимое крыльцо,

Косматый другъ остановился.
 Печально вытянулъ лицо,
 Вдохнулъ глубоко, наклонился.
 Его онъ треплетъ и ласкаетъ,
 Рукою нѣжно обнимаетъ,
 Потомъ за холку достаетъ;
 Весь обернулся, вотъ слѣзаетъ,
 Поводья конюху бросаетъ
 И вверхъ по лѣстницѣ идетъ.

(Петербургъ, 1836 г.)

Другой отрывокъ изъ той же поэмы*Высочайшій смотръ Кавалергардскому полку.*

Вдругъ видитъ онъ манежъ огромный,
 Дверямъ, окошкамъ нѣтъ конца;
 Барьеръ съ механикой подъемной
 И два парадныя крыльца.
 Вездѣ богатство, роскошь, нѣга,
 Повсюду золото блеститъ,
 И, на землѣ бѣлѣе снѣга,
 Песокъ насыпанъ и убитъ.
 Подъ мраморъ стѣны, колоннада,
 Надъ нею хоры съ двухъ сторонъ
 И тканью яркой Цареграда
 Внизу украшенъ павильонъ.
 Ковры, статуи, зеркала,
 Фестоны радужныхъ знаменъ
 Изъ разноцвѣтнаго стекла,
 Фонтаны брызжутъ по угламъ,
 Цвѣты, деревья здѣсь и тамъ.
 Вездѣ гирлянды, кольца, шелкъ...

.....
 А въ серединѣ... вдохновенно,
 Стѣной недвижимо, надменно
 Стоитъ Кавалергардскій полкъ.
 Какъ стройный лѣсъ, мелькаютъ пики,
 Пестрѣютъ ярко флюгера,
 Всѣ люди, лошади—велики,
 Какъ монументъ Царя Петра!
 Стремена, сѣдла, мундштуки,
 Похвы, наперстья, чепраки—
 Все пригнано: какъ разъ все въ пору,

Нигдѣ ни складки, ни задору.
 Подъ рядъ, для пользы и красы,
 У всѣхъ нафабрены усы,
 Всѣ лица на одинъ покрой,
 И станомъ тотъ, какъ и другой!
 Вся амуниція съ иголки,
 У лошадей надменный видъ
 И отъ хвоста до самой челки
 Шерсть одинаково блеститъ.
 Любой солдатъ—краса природы,
 Любая лошадь—типъ породы!
 Что офицеры?—Рядъ картинъ,
 И всѣ какъ будто бы одинъ!
 Въ посадкахъ идеаль равенства,
 Въ равненьи просто совершенство!
 Ужъ съ полчаса они стоятъ,
 Все ждутъ кого то и украдкой
 На горизонтъ далекій, гладкій,
 Въ смущеньи пристально глядятъ.
 Но всѣмъ примѣтамъ имъ парадъ.
 И вотъ на самомъ на концѣ
 Ворота съ шумомъ растворились,
 Толпяся слуги на крыльцѣ,
 Берейтора засуетились,
 Ведутъ къ подъѣзду лошадей...
 Невольно лица всѣхъ людей
 Мгновенной краской оживились,
 Уже вдали галлопируютъ,
 Ужъ офицеры салютуютъ,
 Ужъ раздается крикъ—ура!

. . . . .
 Настала страшная пора...
 Уже готовы ихъ фаланги
 Вступить въ торжественную сѣчу
 И трубачи на правомъ флангѣ
 Играютъ трогательно встрѣчу!

Петербургъ, 1836 г.

Экспромтъ Н. П. В . . . . й.

(У которой была большая родинка на подбородкѣ).

Вы очень милы, сознаюся;
 Я часто самъ изъ-за угла
 Гляжу на васъ, не наглаголюся;

И повторяю,— „какъ мила!“
 У васъ голубенькіе глазки,
 Живые, полные огня.
 Въ лицѣ есть страсти, вмѣсто краски,
 Что право лучше для меня!..
 Подобной вамъ ужъ мнѣ не встрѣтить!
 И это, вѣрьте мнѣ,—не лесть;
 Одно я могъ бы въ васъ замѣтить..
 . . . . .
 Да вѣдь и въ солнцѣ пятна есть!..

Нева.

Спокойно плещется Нева,
 Гранить высокій омывая,
 Она не бурна, но рѣзва,
 Она волнуется, играя.
 Она лишь вѣтреной порой
 Уноситъ взморье за собой.
 Тогда на берегъ подымаясь,
 Она грозитъ все истребить...
 . . . . .
 . . . . .
 Но вотъ смирился гнѣвъ Эола
 И солнце снова надъ Невой,
 И какъ въ Венеціи гондола,
 Несется яликъ голубой,
 Теченье быстро разсѣкая,
 Несется онъ отваги полнъ.
 И невредимо между волнъ,
 То лавируя, то играя,
 Летитъ на бѣлыхъ парусахъ,
 И будто крыльями махая,
 Онъ весла мѣрно ударяя,
 Струи проводить на водахъ.
 Люблю въ безмолвный ночи часъ
 Невы слѣдить я колебанье,
 Когда при трепетномъ сіяньи,
 Луна взглянется въ первый разъ,
 Когда, печально отразившись,
 Она дрожить въ ея стеклѣ,
 А берегъ мрачный къ ней склонившись,
 Лѣнливо дремлетъ въ тишинѣ...

Тогда высокой думой полнѣ
Ее слѣжу я, ей внимаю...

.....

Петербургъ, 1836 г.

Свиданіе.

— „Конь мой борзый встрепенися,
Понеси меня быстрѣй,
Гривой черной распахнися
И волнистый хвостъ развѣй!
Ты красавецъ тонкимъ складомъ,
Богатырь ты силой ногъ,
Ты орелъ орлинымъ взглядомъ,
Чуткимъ ухомъ сторожекъ!
Посмотри, какъ даль темнѣеть,
Скрылся мѣсяцъ въ облакахъ,
Тѣсь шумить и воздухъ млѣеть,
Мчатся тучи въ небесахъ!
Буря съ громомъ разразится,
Дождь польетъ со всѣхъ сторонъ,
Небо молнией озарится,
У земли исторгнетъ стонъ!
О мой конь! Мой конь удалый
Понеси меня быстрѣй...
Всюду ты со мной бывалый,
Вспомни удалъ прежнихъ дней!
Вспомни прежнія ловитвы
И рубецъ твой на брови...
Мы съ тобой на полѣ битвы,
Вмѣстѣ плавали въ крови!..
Путь знакомъ тебѣ? Такъ что же?
Что жъ ты медлишь, вѣрный конь!
Ты бывало (былъ моложе)
Рвался въ воду и въ огонь;
Выносилъ меня изъ строю,
Проносился сквозь ряды...
А теперь? куда съ тобою
Мнѣ дѣваться отъ бѣды?..
Тамъ, на бархатномъ узорѣ
Зеленѣющихъ луговъ,
Гдѣ шумить и плещетъ море,
Ароматъ гдѣ отъ цвѣтовъ,
Тамъ, какъ призракъ идеальна,
Въ павильонѣ ждетъ она

И задумчива, печальна
Не отходить отъ окна.
Но, когда тебя увидить,
Новой жизнью оживеть,
И тебѣ навстрѣчу выйдетъ,
И къ рѣшеткѣ подойдетъ,
Подарить меня букетомъ,
Подарить тебя цвѣткомъ,
Встрѣтить радостнымъ привѣтомъ
И махнетъ тебѣ платкомъ!
И едва луна проглянетъ,
Мы съ тобой въ обратный путь.
Вѣрь ты другу—не обманеть,
На нее лишь дай взглянуть!
Дай мнѣ съ нею слово молвить
Въ бездыханной тишинѣ...
Душу радостью наполнить,
Съ ней побыть наединѣ!
Дома будетъ и солома,
И персидскій твой коверъ...
Будешь нѣжиться ты дома,
Скинешь бранный свой уборъ!
Не овсомъ я, а крупую
Накормить тебя велю
И водою не простою,
Ключевою напою!“—
По лазоревому своду
Прокатилася луна;
Время стало на погоду,
Всюду сонъ и тишина!
И заря ужъ занималась
Изъ за дальнихъ облаковъ...
Только море колыhalось
У песчаныхъ береговъ...
Въ павильонѣ все молчало...
Свѣтъ угасъ уже давно;
Лишь мелькало покрывало
Сквозь открытое окно!..
Только шопотъ раздавался
Будто ключъ нагорныхъ струй...
И еще порой срывался
Лишь предатель—поцѣлуй!..
У рѣшетки ночь всю праздно
Конь привязанный стоялъ,

И окрестность ежечасно
 Звонкимъ ржаньемъ оглашалъ!..
 И считая всѣ мгновенья,
 Онъ рвался изъ подъ сѣдла,
 Рылъ ногой отъ нетерпѣнья,
 Грызъ стальныя удила!

Червленая станца, 1840 г.

На покушеніе 4 Апрѣля 1866 г.

Нашъ Русскій Царь, среди своей столицы,
 Среди дѣтей возлюбленный отецъ,
 Чуть не погибъ отъ вражеской десницы,
 Ему въ упоръ пославшую свинець...
 Какъ онъ спасень?.. Дивитесь Провидѣнью,
 Хвала ему въ Создатель Творцѣ,
 Что не далъ Онъ свершиться преступленью
 И крови нѣтъ на царственномъ вѣнцѣ!
 Но кто же тотъ, кто посягнуть рѣшился
 На жизнь Царя? Давайте намъ его!
 Мы знать хотимъ, откуда онъ явился,
 Пришелъ зачѣмъ иль посланъ отъ кого?
 Отвѣта ждать въ волненьи вся Россія,
 Намъ нуженъ свѣтъ среди всеобщей тьмы...
 Куда влечетъ крамольная стихія,
 Весь Русскій міръ, вліяя на умы?
 Насталъ тотъ день, когда должны раскрыться
 Всѣ козни злыхъ, причины тайныхъ смуть
 И предъ лицомъ народа объяснится,
 Кто города и села наши жгутъ?
 Они! Они! Но кто же эти люди?
 И много ль ихъ? И гдѣ ихъ отыскать?
 И какъ ихъ узнавать?
 Съ корнями зло вы истребить хотите?
 Похвальный трудъ, возмездіе грѣху...
 Но если такъ, вы корни ихъ ищите
 Не снизу, а сверху...

С. Знаменское, 1866 г.

